

ЮБИЛЕИ великих писателей — всегда события огромного общественного и культурного значения. Именно такими незабываемыми событиями в жизни нашего народа и всего человечества были всемирно отмечавшиеся толстовские даты — восьмидесятилетие со дня рождения великого русского писателя (1908), его столетие (1928), пятидесятилетие смерти (1960). Уже сегодня можно сказать, что и нынешний юбилей Толстого явится важнейшей вехой на пути освоения, постижения выдающегося творческого наследия классика русской и мировой литературы.

«Юбилейный слай» не нужен Толстому, больше того — он даже оскорбителен для его памяти. Толстовские даты знаменательны и интересны другим: прежде всего тем, что помогают полнее и глубже выявить наше сегодняшнее отношение к наследию писателя, ставшее, может быть, даже более сложным, разноликим, многозначным, чем это было при жизни Толстого. И в этом нет ничего неожиданного. Ко многим жгучим, волновавшим современников Толстого вопросам наше время добавило немало новых, еще более острых и масштабных.

И в наши дни с оценкой взглядов писателя, его художественных и публицистических произведений, его общественной деятельности выступают люди, исповедующие различные, порой прямо противоположные общественно-политические и философско-эстетические и этические взгляды.

Сегодняшние различные оценки наследия Толстого порождаются острейшей идеологической борьбой, идущей ныне между силами прогресса, мира и социализма, с одной стороны, и силами империалистической реакции — с другой.

Главный вопрос неутихающих споров о Толстом в том, что считать самым важным в наследии писателя и кому это наследие сегодня принадлежит.

Вспомним Толстовские дни 1960 года. Тогда о Толстом писала печать почти всех стран мира, ему посвящались многочисленные радиопрограммы и телевизионные передачи.

За три года до проведения юбилея журнал Организации Объединенных Наций «Курьер ЮНЕСКО» опубликовал сведения об изданиях писателей-классиков. Сравнительная таблица изданий наглядно показала, что во второй половине 50-х годов Лев Толстой занял первое место среди писателей всех стран не только по числу переводов его книг на языки народов зарубежных стран, но и по количеству языков, на которые они переведены, а также по числу переведенных произведений.

Бесстрастным языком цифр подтверждая, что Толстой в наше время является одним из самых читаемых писателей-классиков, статистика решительно опровергла шумные заявления об «устарелости» его произведений, с которыми в Толстовские дни 1960 года выступили на страницах парижской газеты «Летр Франсез» лидеры французской школы «нового романа» Натали Саррот и Мишель Бютор, получившие поддержку в выступлениях некоторых делегатов Международной толстовской конференции в Венеции.

Засвидетельствовав высокий уровень внимания наших современников к наследию Толстого, статистика, естественно, не могла объяснить, чем оно вызвано, какие силы сегодня содействуют укреплению всемирного авторитета писателя.

На эти вопросы стремились ответить многие из участников своеобразного международного референдума, состоявшегося в Толстовские дни 1960 года.

Делегаты генеральной конференции ЮНЕСКО, Венецианской международной конференции ученых и писателей, международных Толстовских симпозиумов в Индии и Соединенных Штатах Америки, многие зарубежные общественные и государственные деятели, представители ряда крупнейших политических партий, различных союзов и обществ высказывали тогда свои суждения о Толстом и значении его наследия.

Колоссальное по своему объему, необычайно пестрое и противоречивое по содержанию, материалы этого референдума были собраны, проанализированы и оценены советскими и зарубежными исследователями, составившими двухтомник «Толстой и зарубежный мир», вышедший в свет тринадцать лет назад.

В двух книгах этого издания, насчитывающих свыше 1200 страниц, звучат голоса читателей и читателей Толстого более чем из шестидесяти стран мира. Здесь выступают со своими суждениями и мнениями о взглядах и творчестве великого писателя его современники и наши современники. Если посмотреть на все эти выступления с точки зрения хронологической, то их можно было бы сгруппировать в два раздела — «Толстой вчера» и «Толстой сегодня». Но если подойти к ним глубже, то выяснится, что только хронологический подход к их оценке явно недостаточен. Чтобы оценить их правильно, нужно подойти к ним с позиций историзма и с позиций нашего времени. И тогда выяснится, что споры о Толстом, которые велись вче-

ра, ведутся и сегодня.

Более того — выясняется, что они велись всегда.

СПОРЫ о Толстом возникли с первых шагов писателя в литературе и приобретали все более широкий характер, усиливаясь вместе с ростом его известности, славы и влияния.

Это понятно и естественно. Ведь Лев Толстой, по справедливым словам М. Горького, «был самым сложным человеком среди всех крупнейших людей XIX столетия». Он был не только гениальным художником, но и великим мыслителем.

Поразительным актом гражданского мужества писателя явилось его заступничество за участников революции 1905—1907 годов, подвергавшихся со стороны царского правительства жестокому гонению и казням. Статья Л. Толстого «Не могу молчать», посвященная этим событиям, вызвала огромный резонанс во всем мире.

В свете ближайших задач революционно-освободительной борьбы народов, составляющей главное содержание общественно-исторического прогресса.

Анализируя и оценивая социальную проблематику творчества Толстого, Ленин выдвигал на первый план «конкретные вопросы демократии и социализма», которые были Толстым поставлены. При этом Ленин отметил, что они ставились Толстым с такой силой, которой обладают только гениальные художники.

Мы ОСТАНОВИЛИСЬ выше лишь на некоторых сторонах ленинской концепции Толстого. Но и сказанного достаточно, чтобы стало ясно, почему буржуазное литературоведение десятилетия хранило молчание о статьях Ленина, посвященных Толстому, а затем, когда дальше замалчивать их стало невозможно, повело против них ожесточенные атаки.

Не приходится удивляться тому, что во главе ата-

оценок наследия Толстого. Давно прошло то время, когда советские исследователи жизни и творчества Толстого были лишены возможности лицом к лицу встретиться со своими зарубежными оппонентами и повести прямой, откровенный разговор о том, чем дарит Толстой современному человечеству. В этом году состоится немало международных «толстовских» встреч. И надо добиваться, чтобы они проходили в атмосфере доброжелательства, откровенности и стремления правильно понять друг друга.

Будет жаль времени, потраченного на эти встречи, если они будут освещаться заокеанскими партнерами так, как это сделал, например, Марк Слоним в отношении Венецианской конференции 1960 года. В статье «В честь Толстого, встреча Запада и Востока», опубликованной в «Нью-Йорк таймс бук ревью», Слоним приписал докладчикам из Советского Союза попытки обращаться с Толстым так, «как будто бы он был членом Союза советских писателей».

И не без ядовитого умысла автор этой статьи повторил слова испанского философа С. де Мадарьяги, сказавшего в своем докладе на Венецианской конференции, что «Толстого можно назвать учеником святого Марка, а не святого Маркса».

При помощи подобных парадоксов их сочинители хотели бы объявить социальную проблематику творчества Толстого своего рода запретной зоной.

Мы не можем сочувствовать ни старым, ни новым попыткам увести разговор о Толстом к «вечным» вопросам — сущности бытия и небытия, смерти, веры, а также к стремлению объявить Толстого предшественником нынешних религиозных «искателей».

В коллективных трудах и монографиях о Толстом, написанных советскими исследователями к 150-летию со дня его рождения, на первый план выдвигается тема «Толстой и наша современность». Она является главной темой и Всесоюзной юбилейной научной конференции, проводимой в сентябре сего года Институтом мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР.

«Толстой тысячами корней врос в нашу эпоху», — писал в 20-х годах нашего века немецкий драматург Герхард Гауптман, видевший в Толстом своего учителя. Эти его слова множество раз были повторены другими выдающимися деятелями культуры.

В Толстовские дни 1960 года английский драматург и романист Шон О'Кейси писал: «Многие миллионы людей до сих пор находятся в тисках нищеты и невежества... Такая картина наблюдается не только в Азии, Африке и Латинской Америке, но и совсем под боком».

Рассказав далее о тяжелой жизни безработных в Англии и США, Шон О'Кейси сделал следующее заключение: «Толстой явствует, что эпоха Толстого мало чем отличается в этом отношении от нашей и все сказанное тогда сохраняется злободневность поныне».

В ноябре 1960 года «Правда» поместила короткую статью о Толстом, присланную старейшим американским писателем Эптоном Синклером. В ней есть поразительные слова о том значении, какое приобретает в наше время антибожественные выступления Толстого: «И сейчас он вызывает ко всем людям в Советском Союзе и в моей стране и во всех других странах изумление и ужасную трагедию ядерной войны, которая низвергнет на нас проклятия всех жертв будущего».

Замечательное признание современного значения наследия великого писателя содержат слова Л. И. Брежнева о Толстом, написанные им в кнжаре нынешнего года в книге отзывов почетных посетителей Ясной Поляны: «Героев «Войны и мира» отделяют от советских людей полтора столетия. Но их сближают высокие чувства патриотизма и героизма, один и тот же дух правды и справедливости, готовность отдать жизнь за честь и независимость Родины...».

Как участник Варшавской научной сессии, посвященной юбилею Толстого, я могу засвидетельствовать, что и ее программа, и царившая на ней атмосфера были проникнуты ощущением особой актуальности творчества великого писателя, непреходящего значения его идей и образов.

Это подчеркивали и председатель комитета славистов Польской академии наук, директор Института материальной культуры ПАН академик Витольд Хенцель, открывший сессию, и писатели Юзеф Озга-Михальский, Войцех Жукровский, и известные польские русисты профессора Б. Бялкович и М. Якубец, и исследователи из Чехословакии, Германской Демократической Республики, и советские ученые — в сущности, все выступавшие на сессии.

Оживленно полемизируя между собой по некоторым частным вопросам, участники Варшавской сессии были единодушны в главном: в признании исключительного значения ленинской концепции мировоззрения и творчества Толстого, концепции, которая и по сей день служит надежным компасом для тех, кто стремится глубоко и верно понять великого писателя.

Идут годы и десятилетия. Но время не властно над тем, что создано гением Толстого. Его наследие принадлежит людям, живущим на земле сегодня, и тем, кто придет в мир завтра.

ТОЛСТОЙ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

К. ЛОМУНОВ,

доктор филологических наук

Недавно в Варшаве состоялась научная сессия, посвященная 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого. Ее организаторы — комитет и Институт славяноведения Польской академии наук, главное правление Общества польско-советской дружбы, главное правление Общества польских русистов. Сессия, в работе которой приняли участие ученые стран социалистического содружества, явилась одной из первых международных встреч, проводимых в рамках Толстовского юбилейного года. Впереди конференции, симпозиумы во Франции, Италии, Индии, Румынии, во многих других странах мира.

В чем видят советские ученые перспективы и задачи предстоящих международных встреч, что в творческом наследии великого русского писателя привлекает сегодня особое внимание советских и зарубежных исследователей?

Поделиться своими размышлениями на эту тему мы попросили участника варшавской встречи, члена Всесоюзного юбилейного комитета по подготовке и проведению 150-летия со дня рождения Л. Н. Толстого, профессора К. ЛОМУНОВА.

Вместе с тем в годы первой русской революции со всей очевидностью проявили себя противоречия мысли Толстого, с убедительной силой и глубиной раскрытые в знаменитом «толстовском» цикле статей В. И. Ленина. В работах этих дана такая трактовка взглядов и творчества великого писателя, которая позволяет увидеть все сложное и противоречивое многообразие его идей и образов в их совокупности, в диалектическом единстве, открыть их социально-исторические, национальные, классовые источники и корни.

Даже такой глубокий и сильный мыслитель, как Г. В. Плеханов, не смог объяснить природу толстовской противоречивости и, по его признанию, принимал писателя «отсюда и досюда» (так озаглавлена одна из статей Плеханова о Толстом). Он считал Толстого величайшим художником и «крайне слабым мыслителем».

Своим авторитетом Плеханов — вольно или невольно — поддержал и укрепил легенду о «двух Толстых», которая широко пропагандировалась русской и зарубежной критикой с 80-х годов прошлого века. И в наши дни легенда эта находит поддержку во многих зарубежных работах о Толстом.

В отличие от Плеханова и многих других авторов, Ленин не противопоставляет Толстому-художника Толстому-мыслителю, а находит «кричащие противоречия» не только в «учениях» и в «школе» Толстого, но и в его произведениях — художественных и публицистических. Но эта противоречивость отнюдь не «раздваивает» писателя, а образует сложное единство, порожденное противоречиями той исторической действительности, которая дала миру Толстого.

Ленинская концепция Толстого освободила исследователя от страха перед его «кричащими противоречиями», помогая понять их природу, правильно оценить их смысл. При этом исполненная фигура гениального художника и великого социального мыслителя вставала во весь свой рост. Ленин помогал читателям увидеть в Толстом то, что в нем становилось достоянием прошлого, и то, что принадлежало будущему.

В 1908 году статьей «Лев Толстой, как зеркало русской революции» Ленин дал первый бой за Толстого, ведя его с позиций будущего, с позиций подлинных его наследников. Второй бой за Толстого он дал в 1910 году, откликнувшись большой статьей на кончину писателя и снова заявив о том, кому принадлежит его наследство. «Это наследство, — писал Ленин, — берет и над этим наследством работает российский пролетариат».

В ленинских работах о Толстом строгая научность соединилась со стремлением выяснить современное значение великого писателя

кующих ленинскую концепцию Толстого оказались советологи: американские — во главе с профессорами Глебом Струве, Дж. Эрнестом Симмонсом и западногерманские — во главе с литературоведом Р. Фюлеп-Миллером.

Чтобы было вполне ясно, до каких вымыслов могут доходить ослепленные ненавистью к советскому строю зарубежные «толстоведы», достаточно напомнить, что в статье «Толстой — апостол-крестоносец» Фюлеп-Миллер позволил себе утверждать, будто Ленин стремился «уничтожить остатки уважения к Толстому среди революционеров».

Бредовые выдумки эти были напечатаны в юбилейном номере американского журнала «Рашен ревью» (1960, апрель).

В том же номере была помещена и статья Глеба Струве «Толстой в советской критике». В ней подвигаются нападки советские исследователи наследия писателя за то, что они сохраняют верность ленинской характеристике и оценке наследия Толстого. Статьи Ленина о Толстом Струве называет «директивами», требующими якобы «выборочного» подхода к наследию писателя, чуть ли не запрета многих его произведений.

Между тем широко известно, что уже в первые послеоктябрьские годы именно Ленин поручил советским издателям напечатать произведения классиков Толстого «в первую очередь», и требовал издать «всего Толстого». По инициативе Владимира Ильича и при его участии была разработана программа издания полного (юбилейного) собрания сочинений Толстого в девятнадцать томов. Это издание включило в себя все произведения Толстого — художественные и теоретические, его дневники и письма.

А уж если говорить о том, кто в наше время демонстрирует действительно выборочный подход к наследию Толстого, то придется напомнить о некоторых американских издателях, охотно печатающих сборники сочинений писателя на религиозные и религиозно-моральные темы. Такие сборники неоднократно выходили в США во второй половине 60-х годов.

Во введении к одному из таких сборников, изданному в 1964 году, Дж. Эрнест Симмонс назвал идею непротивления злу насильем одной из самых важных для нашей современности толстовских идей.

Еще в монографии «Лев Толстой», вышедшей в Бостоне в 1946 году, профессор Симмонс, считающийся в США одним из самых авторитетных знатоков русской литературы, вступил в полемику с ленинской оценкой теории непротивления злу насильем, назвав эту теорию «краеугольным камнем всей доктрины», то есть всего мировоззрения Толстого.

Мы не откроем большого секрета, если скажем, что среди видных американских русистов есть и сегодня убежденные сторонники подобных взглядов. Что ж, полемика с ними будет продолжена. Она является одним из важных звеньев становящегося все более обширным фронта борьбы за утверждение в современном мире ленинской